

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ФАКТОРЫ РИСКА И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ

Л. И. Гришаева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 августа 2014 г.

Аннотация: статья посвящена анализу конкретных проявлений интертекстуальности, препятствующих адекватному восприятию содержания текста. Неумение и/или разного рода сложности при распознавании интертекстуальных связей интерпретируются как один из факторов риска в осмыслении текста вообще и/или в переводческой деятельности, в частности. Анализируются примеры, содержащие более и менее очевидные для носителей языка и культуры интертекстуальные связи, иллюстрирующие необходимость сенсбилизации реципиентов подобных текстов к описываемым явлениям.

Ключевые слова: интертекстуальность, факторы риска, перевод, сенсбилизация к культурной специфике.

Abstract: the paper analyses examples of intertextuality that impede adequate perception of the text. Inability to recognize intertextual connections and/or various difficulties that arise in the process of interpretation of intertext are treated as risk factors in the process of understanding of the text and in translation. The paper discusses examples of intertextual connections that more or less evident for language speakers. The examples illustrate the necessity for making the recipients of the texts to intertextual connections.

Key words: intertextuality, risk factors, translation, sensibility to specific features of culture.

Интертекстуальность и как свойство, имманентное коммуникации любого формата и в любых коммуникативных условиях, и как категория текста независимо от его типа и культуры, в которой он бытует, не может не привлекать внимания лингвотекстологов, переводчиков, переводоведов и дидактов. Это обусловлено тем, что интертекстуальные связи в любых своих проявлениях потенциально чреваты разнообразными рисками прежде всего при рецепции и/или интерпретации соответствующего текста. Сказанное справедливо не только для межкультурной коммуникации, но и при внутрикультурном взаимодействии, так как неумение интерпретировать интертекстуальные связи не позволяет не только (обоснованно) выбирать переводческую стратегию, обеспечивающую прежде всего импрессивную [1; 2] эквивалентность, но и реконструировать связи между разными комплексами культурно специфических сведений, значимыми для адекватного осмысления и содержания текста, и понимания послания автора своим реципиентам.

Сложность названной проблемы можно проиллюстрировать самыми банальными примерами, показывающими, сколь значимо при переводе коррект-

но маркировать семиотические границы в тексте перевода [3]. Так, использование имени *Маши* вместо *Мэри* в русском переводе текста с английского языка может привести даже к когнитивному дисбалансу у реципиента текста. Нелепым будет использование немецкому *Eulen nach Athen tragen* эквивалента в Тулу со своим самоваром в переводном тексте, несмотря на адекватность соответствующего переводческого решения в изолированном случае. Определенные затруднения при рецепции высказывания возникнут и тогда, когда вместо *Гудзонова залива* в тексте будет речь о *Хадсоновском заливе* или когда *миссис Хадсон* назовут *миссис Гудзон*. Насколько сложен перевод реалий, – а прецедентные феномены, обладающие несомненным интертекстуальным и очевидным культурно-специфическим потенциалом, даже если они обладают интернациональным характером, можно с полным правом признать реалиями – показано в комплексном многоаспектном исследовании французских реалий в русских переводах и русских реалий во французских переводах [1; 2].

Таким образом, очевидно, что умение распознавать интертекстуальные связи значимо не только для понимания текстов о «чужой» культуре, но и о «своей» (см. соответствующие иллюстрации в [3; 4]). Однако данное свойство интертекстуальных связей

не только свидетельствует о важности переводческих задач, вытекающих из интертекстуальности, но и усложняет поиск путей решения дидактической проблемы – формирование умений распознавать в текстах интертекстуальные связи при подготовке переводчиков.

Вследствие этого довольно любопытным становится пример из практики подготовки переводчиков. Так, работа над текстом одного из комментариев Харальда Мартенштайна (Harald Martenstein. Über die positiven Seiten des Abhörskandals. Zeitmagazin Nr 51, 2013), журналиста, мастерски владеющего словом, в неплохо подготовленной в языковом отношении аудитории более чем наглядно показала, что обучаемые без особого труда смогли распознать не только параметры, лежащие, так сказать, на поверхности текста, но и параметры, не столь очевидные при рецепции текста, но столь нужные для его корректного осмысления. К первым без сомнения, следует отнести умение четко и в тесном соотношении с содержанием конкретного текста определять тематику переводимой статьи, ко вторым – повод для написания текста, а также характер общего контекста, в котором порожден текст, поскольку ирония, равно как юмор, сатира, сарказм, – явления, как правило, культурно-специфические. При подготовке переводчиков соответствующие умения весьма значимы, поскольку от таких умений зависит выбор максимально адекватной и продуктивной переводческой стратегии.

Анализ названного текста показал, что наряду с устойчивыми продуктивными навыками работы с публицистическим текстом, заведомо весьма сложным для перевода в силу актуальности тематики, явной субъективности авторской позиции, стилистической неоднородности и других языковых особенностей, обучаемые в своем большинстве оказались не в состоянии распознать – и, что важнее, осмыслить – другие особенности семантической и синтаксической организации текста, без которых либо в принципе невозможно, либо весьма затруднительно подготовить перевод соответствующего текста. Целесообразно остановиться на некоторых обстоятельствах более подробно.

Во-первых, необходимо упомянуть степень сформированности умения корректно и адекватно авторскому замыслу формулировать послание автора своим читателям. Думается, (возможная) неудача обусловлена тем, что обучаемые не могут распознать «следы» разных по своему характеру форматов дискурса, а также то, как они сочлениаются в конкретном случае, почему именно данные дискурсы и почему вообще в конкретных условиях и по названному поводу. Для анализируемого текста целесообразно подчеркнуть, что Харальд Мартенштайн, как разносторонне образованная личность, легко и активно

активизирует разными способами разнообразные интертекстуальные связи, обращаясь при анализе актуальных для немецкого общества событий к глубинным причинам, вызывающим ту или иную реакцию у носителей немецкой культуры с разными мнениями. Между тем этот навык необходим не только при рецепции текста носителями языка и культуры, но и при выборе переводческих решений, особенно если требуется переводить концептуальные метафоры, использовать стилистические фигуры и/или фразеологизмы или выполнять иные переводческие задания подобного типа.

Во-вторых, обучаемые не смогли без помощи преподавателя раскрыть замысел автора относительно принципов организации содержательной структуры текста. На первый взгляд, замысел (и тем самым послание) текста имеет мало чего общего с темой, заявленной в заголовке комментария: ведь текст построен необычно. В начальной части текста подробно, в ироническом ключе описывается повседневная практика немецких офисных работников и приводятся их типичные критические высказывания как относительно организации их рабочего дня, так и оценки успешности немецкой экономики по сравнению с китайской. В середине называются два аргумента в пользу скандала, вызванного разоблачениями Эдварда Сноудена. Затем рассказывается о многочисленных тестах, подтверждающих превосходство человеческого интеллекта над компьютерными программами. В конце приводится пример текста, который и сегодня не в состоянии интерпретировать современные компьютерные программы, задействованные при прослушивании пользователей современных компьютерных программ и форматов общения с помощью компьютеров. В заключение называются последствия – негативные – для США, от того, как много писем по электронной почте пишут немцы.

Однако такое, на первый взгляд, хаотическое нанизывание фактов, общеизвестных для среднестатистического представителя немецкой культуры и вызывающих нередко критическое отношение с их стороны, наряду с упоминанием международного скандала, особенно остро воспринятым в Германии, отнюдь не случайно. Оно является одним из средств создания иронического фона, на котором автор текста высказывает чрезвычайно важные соображения относительно истории своей страны, отношения к историческим событиям и тем самым вносит свой вклад в дискуссию о недавнем прошлом и его восприятии прежде всего коллективным субъектом, вклад в дискуссию, ставшую для немцев вновь весьма важной в последние десятилетия.

В-третьих, выяснилось, что умение понять смысловые связи между разными эпохами, которые крайне важны и для автора текста, и для его реципиентов

и без корректного осмысления которых нельзя понять и весь текст, не сформировано.

В-четвертых, по имеющемуся тексту нельзя осмыслить всю остроту реакции на известный скандал со стороны немцев, хотя в самом тексте присутствуют отсылки к такой реакции. Однако распознать эти связи можно только при сформированном умении интерпретировать связи конкретного текста с другими, порожденными в иных дискурсивных условиях.

В-пятых, в тексте студентам трудно распознать подоплеку для практически всех особо едких иронических пассажей. Например, абзац, идущий сразу же после описания сферы деятельности руководителей на конференциях: *«Der Abhörskandal, diese Sache mit der NSA, ist meiner Ansicht nach für Deutschland rundum positiv. Erstens: Aus Angst davor, dass die Amerikaner alles mitlesen, werden weniger E-Mails geschrieben. Dies stärkt unsere Wirtschaft und unsere Nerven. Zweitens: Wir Deutschen dürfen uns als Opfer fühlen. Wir sind die verfolgte Unschuld. Das war es doch, wovon wir seit fast 70 Jahren geträumt haben. Endlich tut uns mal einer was, es wurde langsam mal Zeit. Das ist ein gutes Gefühl»*. Прочитанный отрывок насыщен аллюзиями на дискурсы, актуальные в разных слоях немецкого общества в разное время, особенно в конце XX в. и в последние годы. Без знания своего рода маркеров соответствующих дискурсов и наиболее ярких высказываний, имеющих и/или имевших хождение в разных слоях современного германского общества по вполне конкретному поводу, выделенные в приведенном примере высказывания либо осмысляются студентами неадекватно, либо просто читаются буквально, что представляет собой серьезное препятствие при переводе такого рода текстов.

Примеры, подобные приведенным выше, побуждают к сознательному и обоснованному поиску дидактических стратегий, направленных на формирование социокультурной компетенции, а также на формирование и совершенствование межкультурной сенсibilизации будущих переводчиков. Это тем более важно и необходимо, что такого рода сведения нельзя почерпнуть только из одного какого-либо конкретного источника – эти сведения переводчику требуется целенаправленно, упорно и скрупулезно накапливать и уточнять на протяжении всей своей профессиональной деятельности.

Неумение распознавать или адекватно интерпретировать интертекстуальные связи целесообразно теоретически описывать и учитывать в педагогической практике как один из факторов риска (см. подробнее [3–5]). Факторы риска – это своего рода барьеры разной этиологии, препятствующие достижению решению коммуникативной задачи в некоторых коммуникативных условиях. В зависимости от их сущности и функционального потенциала их можно

разделить на неэлиминируемые и модифицирующие [4; 5]. Насыщенность текста интертекстуальными связями следует характеризовать в зависимости от их типа и как неэлиминируемые, и как модифицирующие факторы риска. Первыми, т.е. неэлиминируемыми, они являются потому, что незнание их и неумение их корректно интерпретировать может принципиально исказить содержание и рецепцию переводимого текста. Вторыми, т.е. модифицирующими, их целесообразно анализировать потому, что их включение в текст – или исключение из текста – способствует модификации содержательного и функционального потенциала соответствующего текста.

Одним из следствий подобной трактовки является понимание того, что умение распознавать интертекстуальные связи разной этиологии, вне всякого сомнения, связано со степенью владения «чужого» языка. Это, естественно, обуславливает необходимость специального знакомства с прецедентными феноменами, одной из разновидностей интертекстуальности, а также со способами их активизации и обозначения в дискурсе и/или текстах. Сказанное показывает также, насколько важно целенаправленно изучать тексты, насыщенные интертекстуальными связями. Поэтому формирование умения распознавать соответствующие феномены, опираясь на знание семантической и синтаксической организации текста того или иного типа, следует признать неотъемлемой частью подготовки переводчиков. (Подробно сказанное иллюстрируется на конкретных примерах в [3–5].)

Другое следствие заключается в том, что степень успешности аккультурации субъекта в инокультурную среду не зависит напрямую от глубины и степени сформированности языковой компетенции. Изучение «чужого» языка поэтому не может стать исключительной гарантией успешной адаптации человека к инокультурной среде. Это обусловлено в том числе и тем, что прецедентные феномены как один из способов реализации интертекстуальности обозначаются языковыми средствами по-разному (лексемой, группой слов разной структуры, высказыванием и др.) и что в культуре имеются разные способы обозначения одного и того же прецедентного феномена. Интерпретация языка как культурного кода предполагает теоретически значимый акцент на то, что языком необходимо уметь пользоваться сообразно с соответствующими условиями, в которых он и функционирует как специфический культурный код [3; 4]. (См. описание результатов сопоставления умения распознавать одни и те же прецедентные феномены носителями «своей» и «чужой» культуры в [3; 4].)

Из сказанного вытекает необходимость выработки специальной дидактической стратегии, реализация которой будет способствовать формированию и со-

вершенствованию умений распознавать интертекстуальные связи и находить адекватные средства и способы при их переводе.

Приведенные соображения важно проиллюстрировать еще рядом примеров, убедительно свидетельствующих, с одной стороны, о теоретической и прагматической (сугубо практической) значимости интертекстуальных связей не столько для перевода, сколько для понимания текста, адекватного ситуации, в которой порождается текст, т.е. конкретным социокультурным условиям, а также коллективной идентичности адресанта и адресата, которому адресант адресует свой текст. С другой стороны, некоторые примеры показывают, что есть тексты, в которых имеется прямое или косвенное указание на «стык» дискурсов разного типа, отражаемых в структуре текста. Выражаясь иначе, в дидактических целях целесообразно начинать с работы над текстами, в которых интертекстуальные связи более очевидны.

Это легко проследить на примере еще одной статьи Харальда Мартенштайна «Über Kritik von allen Seiten» (Zeitmagazin Nr 21, 2014), в которой активизируются сведения о том, как в современном немецком обществе принято говорить о преступлениях граждан с определенным происхождением (подчеркнуто двойной чертой), и что в обществе осуждается (подчеркнуто пунктирной линией). Характерно, что, по всей видимости, для большей определенности при распознавании такого рода связей в тексте содержится маркер интертекстуальности (подчеркнуто одной чертой): *«Denken Sie sich an dieser Stelle bitte 20 Zeilen politische Korrektheit, ich bin zu faul, das aufzuschreiben. Es gibt soziale Ursachen, man darf nicht verallgemeinern, auch Deutsche tun so was et cetera. Das stimmt alles. Aber meine These war, dass es tatsächlich ein Problem sein kann, über solche Dinge einfach die Wahrheit zu sagen».*

Маркеры интертекстуальности (подчеркнуты одной чертой) могут принять и иной вид, например, в той же цитируемой статье, в которой также имеется ссылка на разные позиции в обществе (подчеркнуто двойной чертой): *«Jetzt gibt es den Bestseller von Akif Pirinçci, «Deutschland von Sinnen». Darin wird das „Gutmenschentum“ angeprangert. Ich mag das Wort und auch das Buch nicht, es ist mit zu zotig. Das humanistische Gymnasium kriege ich nicht aus mir raus, nun, es wird ja auch abgeschrieben, zu elitär. Manches in dem Buch trifft natürlich zu. Und wieso Pirinçci mit Hitler verglichen wird, während Bushido für genau den gleichen Sound etliche Kulturpreise bekommen hat, kann man ohne Inanspruchnahme des Wortes „Gutmenschentum“ wohl wirklich nicht begreifen. Dann schrieb mir ein Leser, ich komme in dem Buch auch vor. Seite 228».*

Сопоставление текстов, в которых интертекстуальные связи более очевидны, с текстами, в которых

интертекстуальные связи распознаются только при наличии специальных знаний именно о конкретных культурно-специфических явлениях, убедительно свидетельствует об отсутствии однозначных отношений между характером или способом включения обсуждаемых феноменов в текст, с одной стороны, и типом текста и/или тематикой, а также форматом дискурса, в котором был порожден соответствующий текст (см. подробнее об этом в [3–5]).

Таким образом, можно сформулировать обобщение, значимое не только в теоретическом отношении, но и в дидактическом.

Констатацию того, что, во-первых, в любом тексте разными способами фиксируются культурно-специфические сведения о мире и что, во-вторых, необходимо целенаправленно формировать соответствующую компетенцию у переводчиков разной специализации, в профессиональной среде, как правило, считают само собой разумеющейся и не заслуживающей особого обсуждения по причине ее самоочевидности. Между тем практика обучения устному и/или письменному переводу, а также результаты переводческой деятельности переводчиков разной квалификации богата разнообразными наглядными примерами, ярко свидетельствующими о необходимости целенаправленной и последовательной дидактически выверенной работы по формированию умений распознавать культурно специфические сведения, без владения которыми нельзя ни адекватно осмыслить содержание переводимого текста, ни выбрать эффективную переводческую стратегию. Конкретные шаги пока затруднительно назвать определенно, однако в самом общем виде правомерно повторить вывод о значимости умений распознавать интертекстуальные связи и осмыслить стремление формировать умения распознавать интертекстуальные связи через сенсификацию к ним в качестве своего рода программы действий, реализуемой через ряд этапов:

- совершенствование навыков распознавания вероятной специализации отдельных прецедентных феноменов на определенные типы дискурса и/или когнитивные и коммуникативные задачи, что предполагает включение в образовательный процесс максимально возможного количества типов текстов, на тщательном изучении которых формируется и совершенствуется переводческая компетенция;

- учет значимости прецедента, степени его обязательности при порождении текста, его характер: конвенциональный и/или идиостилистический, что означает целенаправленное знакомство с культурно-специфической информацией, извлекаемой из самых разнообразных источников;

- определение функциональной сферы прецедентного феномена (его моно- или полифункциональ-

ность), а также сопоставление функционального потенциала прецедентных феноменов и других средств реализации интертекстуальности в разных культурах. Для этого необходимо, однако, уметь распознавать и адекватно интерпретировать интертекстуальные связи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фененко Н. А. Язык реалий и реалии языка / Н. А. Фененко. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-та, 2001. – 140 с.

2. Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации / под ред. Н. А. Фененко, А. А. Кретьова. – Воронеж : Издат.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2013. – 220 с.

3. *Grischaewa L. I.* Kultursymbole als translato-logisches Problem / L. I. Grischaewa // Translationsforschung – Tagungsberichte der LICTRA IX. Leipzig International Conference on Translation & Interpretation Studies 19.21.5.2010. 10 Leipziger Studien zur angewandten Linguistik und Translatologie. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2011. – Teil 1. – S. 257–268.

4. *Гришаева Л. И.* Интертекстуальность как фактор риска в переводческой деятельности / Л. И. Гришаева // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 10. – Воронеж, 2012. – С. 46–68.

5. *Grischaewa L. I.* GfdS-Projekte «Wörter des Jahres» / «Jahrhundertwörter» als didaktische Anregung im Fremdsprachenunterricht / L. I. Grischaewa // Sprachpflege international und regional gesehen : Zur Förderung von Deutsch als Fremdsprache im 21. Jahrhundert. – Woronesch, 2013. – S. 41–56.

Воронежский государственный университет

Гришаева Л. И., доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии

E-mail: grischaewa@rgph.vsu.ru

Voronezh State University

Grishaeva L. I., Doctor of Philology, Professor of the German Philology Department

E-mail: grischaewa@rgph.vsu.ru